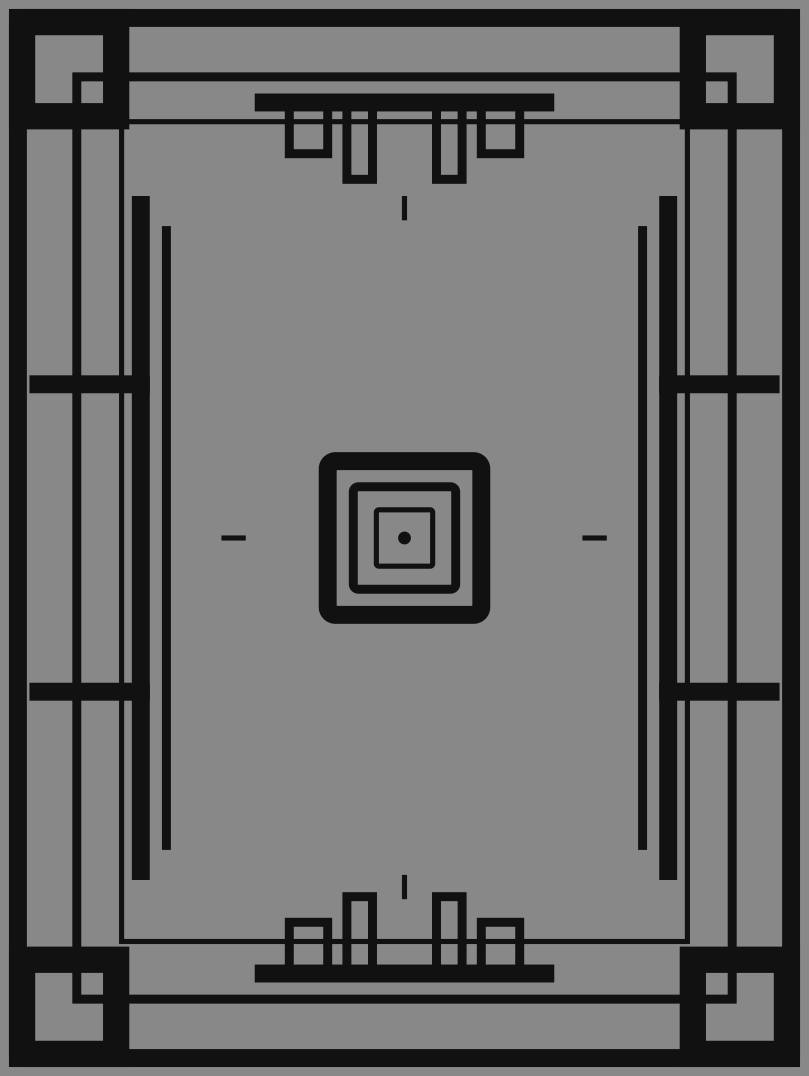

Происшествие в Боэн Биконе

Гилберт Кийт Честертон

Аннотация

Честертон Гилберт Кийт. ПРОИСШЕСТВИЕ В БОЭН БИКОНЕ

Аннотация

Честертон Гилберт Кийт
ПРОИСШЕСТВИЕ В БОЭН БИКОНЕ

Деревенька Боэн Бикон пристроилась на крутом откосе, и высокий церковный шпиль торчал, как верхушка скалы. У самой церкви стояла кузница, где все полыхало и лязгало; а напротив, у скрещения булыжных улочек, действовал один на всю деревню кабак «Синий боров». На этом-то перекрестке в свинцово-серебряный рассветный час встретились два брата: один восстал ото сна, а другой еще не ложился.

Преподобный и досточтимый Уилфрид Боэн был человек набожный и шел предаться молитве и созерцанию. Его старшему брату, достопочтенному полковнику Норману Боэну, было не до набожности: он сидел в смокинге на лавочке возле «Синего борова» и выпивал не то напоследок, не то для начала — это уж как на чей философский взгляд. Сам полковник в такие тонкости не вдавался.

Боэны были настоящие, древние аристократы крови, и предки их и вправду воевали в Палестине. Только не нужно думать, что рыцарями рождаются. Рыцарство — удел бедняков. Знати благородные заветы нипочем, их дело мода. Боэны были элегантными бандитами при королеве Анне и жеманными вертопрахами при королеве Виктории. Словом, они, по примеру других

знатных родов, за последние два столетия стали порослью пропойц и щеголеватых ублюдков, а был такой шепоток, что и вовсе посвихивались. И то сказать, полковник был сластолюбив не по-людски, а скорее по-волчьи: он без устали рыскал по ночам, одержимый какой-то гнусной бессонницей. У этого крупного, породистого пожилого животного были светло-желтые волосы, не тронутые сединой. Его бы назвать белокурым, с львиной осанкой; только синие глаза его запали так глубоко, что стали черными щелками. К тому же они были чересчур близко поставлены. Его висячие желтые усы были очерчены косыми складками от ноздрей к подбородку: ухмылка словно врезана в лицо. Поверх смокинга он натянул светлое халатообразное пальто, а странную широкополую шляпу ярко-зеленого цвета и какого-то восточного вида сбил на затылок. Он явно красовался своим нелепым нарядом; он ведь был ему вполне к лицу.

Его преподобный брат тоже имел аристократическую осанку и желтые волосы, но одет был в черное, застегнут наглухо и свежевыбрит: в чертах его сказывались ум и нервность. Он словно бы только и жил, что своей религией; но говорили о нем (особенно сектант-кузнец), что не бог ему

нужен, а старинная архитектура, потому-то он, мол, и бродит по церкви призраком, что церковь ему — все равно что брату вино и женщины, та же заразная прелесть, только что изысканная, а в общем, одно и то же. Мало ли что говорили, но набожность его все-таки была неподдельная. Надо думать, что людям попросту невдомек была его тяга к уединению и молитве, странно было вечно видеть его на коленях — и не то что пред алтарем, а где-нибудь на хорах, галереях или вовсе на колокольне. Он как раз и шел в храм задним двором кузницы, но остановился и нахмурился, увидев, куда исподлобья поглядывает брат. Не на церковь, конечно, — это и думать было нечего. Стало быть, на кузницу, и хотя кузнец со своей особой религиозностью был не из его паствы, все же Уилфрид Боэн слышал про его красавицу жену много разных историй и не мог пройти мимо. Он посмотрел, нет ли кого за сараем, а полковник встал и рассмеялся.

— Доброе утро, Уилфрид, — сказал он. — Народ мой спит, а я, видишь, на ногах.

Вот кузнеца хочу навестить.

Уилфрид опустил взгляд и сказал:

— Кузнеца нет. Он ушел в Гринфорд.

— Знаю, — беззвучно хохотнул полковник. —

Визит ко времени.

— Норман, — сказал священник, уткнувшись взглядом в дорожный гравий, а ты грома не боишься?

— Грома? — переспросил тот. — Ты что, у нас погоду теперь предсказываешь?

— Да нет, — сказал Уилфрид, не поднимая глаз, — не погоду, а как бы тебя громом не поразило.

— Ах, прошу прощения, — сказал полковник. — Я и забыл, ты ведь у нас сказочник.

— А ты у нас, конечно, богохульник, — отрезал задетый за живое священнослужитель. — Что ж, бога не боишься, так хоть человека остерегись.

Старший брат вежливо поднял брови.

— Какого то есть человека? — спросил он.

— На сорок миль в округе, — жестко сказал священник, — некому тягаться силой с кузнецом Барнсом. Я знаю, ты не из трусливых и за себя постоять можешь, только смотри, плохо тебе придется.

Это были отнюдь не пустые слова, и складки у рта полковника обозначились резче.

Его вечная ухмылка стала угрюмой. Но он тут же снова обрел свою свирепую веселость и рассмеялся, оскалив из-под желтых усов крепкие

песьи клыки.

— Ты прав, любезный Уилфрид, — беспечно сказал он, — так порадуйся же, что последний мужчина в нашем роду надел кой-какой ратный доспех.

Он снял свою нелепую шляпу, и ее круглая тулья оказалась легким стальным шлемом в зеленой обшивке, китайским, не то японским. Уилфрид узнал фамильный трофей со стены гостиной.

— Какая подвернулась, — небрежно пояснил брат. — У меня со шляпами так же, как и с женщинами.

— Сейчас кузнец в Гринфорде, — тихо сказал Уилфрид, — но вернуться может в любую минуту.

Он побрел в церковь. Скорей бы забыть об этой мерзости в прохладном сумраке, под готическими сводами; но в то утро все шло не по-обычному, всюду что-нибудь подстерегало. В такой час церковь всегда бывала пуста, а тут вдруг кто-то в глубине вскочил с колен и заспешил из полутьмы на залитую светом паперть.

Священник едва поверил глазам: этот ранний богомолец был деревенский идиот, племянник кузнеца, и ему явно нечего было делать в церкви,

как и вообще на белом свете. Жил он без имени, с прозвищем Джо-дурачок; это был дюжий малый, сутулый и чернявый, лицо тестяное, рот вечно разинут. Он прошагал мимо священника, и по его дурацкой физиономии никак нельзя было понять, что он делал, о чем думал в церкви. В жизни его никто здесь не видел. Что у него могли быть за молитвы? Даже представить себе трудно.

Уилфрид Боэн стоял неподвижно и глядел, как идиот вышел на солнце, потом, как его беспутный брат приветствовал дурачка с издевательским дружелюбием, наконец, как полковник принялся швырять медяки в разинутый рот Джо и, кажется, в самом деле примерялся попасть.

От этой яркой уродливой картины земной глупости и грубости он обратился к молитве об очищении своей души и обновлении помыслов. Он углубился в галерею и прошел к любимому цветному витражу с белым ангелом, который всегда проливал покой в его душу. Здесь перед его глазами постепенно померкло одутловатое лицо слабоумного с разинутым по-рыбьи ртом. Здесь он постепенно отвлекся от мыслей о нераскаянном брате, который метался, как зверь за решеткой, снедаемый скотской похотью.

Там его через полчаса и нашел деревенский

сапожник Гиббс, наспех посланный за ним. Он быстро поднялся с колен: он знал, что Гиббс не явился бы ни с того ни с сего. Как во многих деревнях, здешний сапожник в бога не верил и в церкви бывал не чаще дурачка Джо. Дурачок еще мог забрести невзначай, но это явление сбило бы с толку любого богослова.

— В чем дело? — довольно строго спросил Уилфрид Боэн и встревоженно потянулся за шляпой.

Местный безбожник ответил на удивление уважительно, с какой-то даже смутной симпатией.

— Уж не взыщите, сэр, — сказал он хрипловатым полушепотом, — но мы решили вас потревожить. Тут, в общем, довольно жуткое дело приключилось. Ваш, в общем, брат.

Уилфрид с хрустом стиснул руки.

— Ну, что он еще натворил? — почти выкрикнул он.

— Да как бы вам сказать, сэр, — кашлянув, сказал сапожник. — Он в общем-то ничего такого не сделал: и уж не сделает. Вообще-то он мертвый. Надо бы вам туда пойти, сэр.

Уилфрид спустился следом за сапожником по короткой винтовой лестнице к боковому выходу на пригорок над улицей. Отсюда все было ясно, как на сцене. Человек пять-шесть стояли во дво-

ре кузницы, все в черном, кроме полицейского инспектора.

Был там доктор, был пастор и патер из окрестной католической церкви, куда ходила жена кузнеца. Сама она, видная, золотисто-рыжая женщина, заходилась от плача на лавочке, а патер ей что-то вполголоса быстро втолковывал. Посредине, возле самой кучи молотков, простерся ничком труп в смокинге. Уилфрид с первого взгляда узнал все, вплоть до фамильных перстней на пальцах; но вместо головы был кровавый сгусток, запекшийся черно-алой звездой.

Уилфрид Боэн, не мешкая, кинулся вниз по ступенькам. Доктор был их семейным врачом, но Уилфрид не ответил на его поклон. Он еле выговорил:

— Брата убили. Что здесь было? Как ужасно, как непонятно.

Все неловко молчали, и только сапожник высказался с обычной прямотой:

— Ужасно — это да, сэр, только чего тут непонятного, все понятно.

— Что понятно? — спросил Уилфрид, и лицо его побелело.

— Куда уж яснее, — отвечал Гиббс. — На сорок миль в округе только одному под силу эдак при-

стукнуть человека. А почему пристукнул — опять же ясно.

— Не будем судить раньше времени, — нервно перебил его высокий, чернобородый доктор. — Впрочем, что касается удара, то мистер Гиббс прав удар поразительный. Мистер Гиббс говорит, что это только одному под силу. Я бы сказал, что это никому не под силу.

Тщедушный священник вздрогнул от суеверного ужаса.

— Не совсем понимаю, — сказал он.

— Мистер Боэн, — вполголоса сказал доктор, — извините за такое сравнение, но череп попросту раскололся, как яичная скорлупа. И осколки врезались в тело и в землю, словно шрапнель. Это удар исполина.

Он чуть помолчал, выразительно поглядел сквозь очки и добавил:

— Хотя бы лишних подозрений быть не может. Обвинять в этом преступлении меня или вас, вообще любого заурядного человека — все равно, что думать, будто ребенок утащил мраморную колонну.

— А я что говорю? — поддакнул сапожник. — Я и говорю, что кто пристукнул, тот и пристукнул. А где кузнец Симеон Барнс?

— Но он же в Гринфорде, — выдавил священник.

— Если не во Франции, — буркнул сапожник.

— Нет, он и не в Гринфорде и не во Франции, — раздался нудный голосок, и коротышка патер подошел к ним. — Собственно говоря, вон он идет сюда.

На толстенького патера, на его невзрачную физиономию и темно-русые, дурно обстриженные волосы и так-то особенно глядеть было незачем, но тут уж никто бы на него не поглядел, будь он хоть прекрасней Аполлона. Все как один повернулись и уставились на дорогу, которая вилась через поле по склону и по которой в самом деле вышагивал кузнец Симеон с молотом на плече. Был он высоченный, ширококостный, темная борода клином, темный взгляд исподлобья. Он неспешно беседовал с двумя своими спутниками; веселым его вообще не видели, и сейчас он был не мрачнее обычного.

— Господи! — вырвалось у неверующего сапожника. — И с тем самым молотом!

— Нет, — вдруг промолвил инспектор, рыжеусый человек смышленого вида, тот самый — вон там, у стены собора. Лежит, как лежал, мы не трогали ни труп, ни молоток.

Все обернулись к собору, а низенький патер сделал несколько шагов и, склонившись, молча оглядел орудие убийства. Это был совсем неприметный железный молоточек, только на окровавленной насадке желтел налипший клок волос.

Потом патер заговорил, и тусклый голосок его словно бы немного оживился:

— Мистер Гиббс, пожалуй, зря думает, что здесь все понятно. Вот, например, как же это такой великан схватился за этакий молоточек?

— Было бы о чем говорить, — нетерпеливо отмахнулся Гиббс.

— Чего зря стоим, вон Симеон Барнс!

— Вот и подождем, — сказал патер. — Он как раз сюда идет. Спутников его я знаю, они из Гринфорда, люди хорошие, пришли по своим пресвитерианским делам.

В это самое время рослый кузнец обогнул собор и оказался у себя на дворе. Тут он встал как вкопанный и обронил молот. Инспектор, сохраняя должную непроницаемость, сразу шагнул к нему.

— Не спрашиваю вас, мистер Барнс, — сказал он, — известно ли вам, что здесь произошло. Вы не обязаны отвечать. Надеюсь, что неизвестно и

что вы сможете это доказать. А пока что я должен, как положено, арестовать вас именем короля по обвинению в убийстве полковника Нормана Боэна.

— Не обязан ты им ничего отвечать! — в восторге подхватил сапожник. Это они обязаны доказывать. А как они докажут, что это полковник Боэн, когда у него вместо головы невесть что?

— Ну, это уж слишком, — заметил доктор патеру. — Это уж для детективного рассказа. Я лечил полковника и знал его тело вдоль и поперек лучше, чем он сам.

У него были очень изящные и весьма странные руки. Указательный и средний пальцы одинаковой длины. Да нет, конечно же, это полковник.

Он посмотрел на труп с размозженным черепом; тяжелый взгляд неподвижного кузнеца обратился туда же.

— Полковник Боэн умер, — спокойно сказал он. — Стало быть, он в аду.

— Ты, главное дело, молчи! Пусть они говорят! — выкрикивал сапожник, приплясывая от восхищения перед английской законностью. Никто так не ценит закон, как завзятый безбожник.

Кузнец бросил ему через плечо с высокомерием

фанатика:

— Это вам, нечестивцам, надо юлить по-лисьи, ибо ваш есть закон в мире сем.

Господь сам хранит и сберегает верных своих, да узрите нынче воочию.

И, указав на мертвеца, добавил:

— Когда этот пес умер во грехах своих?

— Выбирайте выражения, — сказал доктор.

— Я их выбираю из библии. Когда он умер?

— Сегодня в шесть утра он был еще жив, — запинаясь, выговорил Уилфрид Боэн.

— Велика благость Господня, — сказал кузнец. — Давайте, инспектор, забирайте меня на свою же голову. Мне-то что, меня по суду наверняка оправдают, а вот вас за такую службу наверняка не похвалят.

Степенный инспектор поглядел на кузнеца слегка озадаченно, как и все прочие, кроме чудака патера, который все разглядывал смертоносный молоток.

— Вон там стоят двое, — веско и ясно продолжал кузнец, — два честных мастеровых из Гринфорда, вы все их знаете. Они присягнут, что я никуда не отлучался с полуночи: у нас было собрание общины, и мы радели о спасении душ всю ночь напролет. В самом Гринфорде найдется еще че-

ловек двадцать свидетелей. Был бы я язычник, мистер инспектор, я бы и глазом не моргнул пусть вам будет хуже. Но я христианин и обязан вас пожалеть, а потому сами решайте, когда хотите слушать моих свидетелей, — сейчас или на суде.

Инспектор, видимо, озадачился всерьез и сказал:

— Разумеется, лучше бы отвести подозрения с самого начала.

Кузнец пошел со двора тем же ровным, широким шагом и привел своих друзей, и вправду всем хорошо знакомых. Много говорить им не пришлось. Через несколько слов невиновность Симеона была так же очевидна, как громада собора.

Воцарилось то особое молчание, которое нестерпимей всяких слов. Чтоб сказать хоть что-нибудь, священник бессмысленно заметил католическому патеру:

— Вас явно очень занимает этот молоточек, патер Браун.

— Да, очень, — сказал патер Браун. — Почему он такой маленький?

Доктор вдруг дернулся к нему.

— А ведь верно! — воскликнул он. — Кто возьмет такой молоток, когда кругом столько

больших?

Он понизил голос и сказал на ухо Уилфриду:

— Тот, кому большой не с руки. Мужчины вовсе не тверже и не отважнее женщин. У них всего-навсего сильнее плечи. Отчаянная женщина просто пришибет таким молотком десять человек, а тяжелым молотом ей и жука не убить.

Уилфрид Боэн в ужасе уставился на него, а патер Браун внимательно прислушивался, склонив голову набок. Врач продолжал еще тише и еще настойчивее:

— Какой идиот выдумал, что любовника ненавидит именно обманутый муж? В девяти случаях из десяти его ненавидит сама обманщица-жена. Почем знать, как он ее предал, как оскорбил? Взгляните!

Он коротким кивком указал на скамью, где сидела пышноволосая рыжая женщина.

Теперь она подняла голову, и слезы высыхали на ее миловидном лице. Она не сводила взгляда с мертвеца, и в глазах ее был какой-то неистовый блеск.

Преподобный Уилфрид Боэн провел рукой перед глазами, словно заслоняясь, а патер Браун стряхнул с рукава хлопья золы, налетевшей из кузни, и занудил на свой лад.

— Вот ведь как оно выходит, — сказал он, — что у вас, что у других врачей: пока про душу — все очень складно, а как до тела дойдет, то ни в какие ворота. Спору нет, преступница всегда хочет убить сообщника, а потерпевший — не всегда. И нет спору, что женщине больше с руки молоток, чем молот. Все так. Только она никак не могла этого сделать. Ни одной женщине на свете не удастся эдак разнести череп молотком. — Он поразмыслил и продолжал: — Кое-что покамест и вообще в расчет не принято. Мертвец-то был в железном шлеме, и шлем разлетелся, как стеклышко. И это, по-вашему, сделала вон та женщина, с ее-то руками?

Они снова погрузились в молчание. Наконец доктор проворчал:

— Может, я и ошибаюсь: возражения в конце концов на все найдутся. Одно, по-моему, бесспорно: только идиот схватит молоточек, когда рядом валяется молот.

Уилфрид Боэн судорожно вскинул тощие руки ко лбу и взъерошил свои жидкие светлые волосы. Потом отдернул ладони от лица и вскрикнул:

— Слово, вы мне как раз подсказали слово!

Он продолжал, кое-как одолевая волнение:

— Вы сказали: «Только идиот схватит моло-

точек».

— Ну да, — сказал доктор. — А что?

— Это и был идиот, — проговорил настоятель собора. Чувствуя, что к нему прикованы все взгляды, он продолжал чуть ли не истерично: — Я священник, захлебывался он, — а священнику не пристало проливать кровь: То есть я: мы не можем, если впереди виселица. И, слава богу, я вот теперь понял, кто преступник.

Слава богу, казнь ему не грозит.

— То есть вы поняли и промолчите? — спросил доктор.

— Я не промолчу, нет; но его не повесят, — отвечал Уилфрид с какой-то блуждающей улыбкой. — Нынче утром я вошел в храм, а там молился наш дурачок, бедный Джо, он слабоумный от рождения. Бог знает, о чем он молился: у сумасшедших, у них ведь все наизнанку, и молитвы, наверно, тоже. Помолится — и пойдет убивать. Я видел, как мой брат донимал беднягу Джо, издевался над ним.

— Так-так! — заинтересовался доктор. — Вот это уже разговор. Да, но как же вы объясните?

Уилфрид Боэн прямо трепетал — наконец-то для него все разъяснилось.

— Понимаете, понимаете, — волновался он, —

ведь тогда долой все странности, обе загадки разрешаются! И маленький молоток и страшный удар. Кузнец мог бы так ударить, но не этим же молотком. Жена взяла бы этот молоток, но где же ей так ударить? А если сумасшедший — то все понятно. Молоток он схватил, какой попался. А насчет силы: известно же, — правда, доктор? — что в припадке безумия силы удесятеряются?

— Ах, будь я проклят! — выдохнул доктор. — Да, ваша правда.

А патер Браун смотрел на Боэна долгим, пристальным взглядом, и стало заметно, как выделяются на его невзрачном лице большие круглые серые глаза. Он сказал вслед за доктором как-то особенно почтительно:

— Мистер Боэн, из всех объяснений только ваше сводит концы с концами. Потому-то я и скажу вам напрямик: оно неверное, и я это твердо знаю.

Затем чудной человечек отошел в сторону и снова стал рассматривать молоток.

— Всезнайку из себя корчит, — сердито прошептал доктор Уилфриду. — Уж эти мне католические попы.

— Нет, нет, — как заведенный твердил Боэн. — Дурачок его убил. Дурачок его убил.

Разговор прервался, и стал слышен зычный голос кузнеца:

— Ну, вроде мы с вами договорились, мистер инспектор. Сила у меня есть, это вы верно, только и мне не под силу зашвырнуть сюда молот из Гринфорда. Молот у меня без крыльев, как же он полетит за полмили над полями да околицами?

Инспектор дружелюбно рассмеялся и сказал:

— Нет, ваше дело чистое, хотя сходится все, конечно, на редкость. Попрошу вас только оказывать всяческое содействие в отыскании человека вашего роста и вашей силы. Да чего там! Хоть поможете его задержать. Сами-то вы ни на кого не подумали?

— Подумать подумал, — сурово сказал кузнец, — только виновника-то зря ищете. — Он заметил, что кое-кто испуганно поглядел на его жену, шагнул к скамейке и положил ручищу ей на плечо. — И виновницы не ищите.

— Кого же тогда искать? — ухмыльнулся инспектор. — Не корову же — где ей с молотком управиться?

— Не из плоти была рука с этим молотком, — глухо сказал кузнец, по-вашему говоря, он сам умертвился.

Уилфрид подался к нему, и глаза его вспых-

нули.

— Это как же, Барнс, — съязвил сапожник, — ты что же, думаешь, молот его сам пристукнул?

— Смейтесь и насмехайтесь, — выкрикнул кузнец, — смейтесь, священнослужители, даром что вы же по воскресеньям повествуете, как господь сокрушил Сеннехириба.

Он во всяком дому, и призрел мой дом, и поразил осквернителя на пороге его.

— Я сегодня грозил Норману громом небесным, — сдавленно проговорил Уилфрид.

— Ну, этот подследственный не в моем ведении, — усмехнулся инспектор.

— Зато вы в его ведении, — отрезал кузнец, — не забывайте об этом, — и пошел в дом, обратив к собравшимся могучую спину.

Потрясенного Уилфрида заботливо взял под руку патер Браун.

— Уйдемте куда-нибудь с этого страшного места, мистер Боэн, — говорил он. — Покажите мне, пожалуйста, вашу церковь. Я слышал, она чуть ли не самая древняя в Англии. А мы, знаете, — он шутливо подмигнул, интересуемся древне англиканскими церквами.

Шуток Уилфрид не ценил и шутить не умел, но показать церковь согласился охотно: он рад

был поговорить о красотах готики с человеком, понимающим в ней все-таки побольше, чем сектант-кузнец и сапожник-атеист.

— Да-да, — сказал он, — пойдемте, вот здесь.

Он повел патера к высокому боковому крыльцу, но едва тот поставил ногу на первую ступеньку, как кто-то взял его сзади за плечо. Патер Браун обернулся и оказался лицом к лицу с худым смуглым доктором, который глядел темно и подозрительно.

— Вот что, сэр, — резко сказал врач, — вид у вас такой, будто вы тут кое в чем разобрались. Вы что же, позвольте спросить, решили помалкивать про себя?

— Понимаете, доктор, — дружелюбно улыбнулся патер, — есть ведь такое правило: не все знаешь — так и молчи, тем более что в нашем-то деле положено молчать именно, когда знаешь все. Но если вам кажется, что я обидел вас или не только вас своими недомолвками, то я, пожалуй, сделаю вам два очень прозрачных намека.

— Слушаю вас, — мрачно откликнулся врач.

— Во-первых, — сказал патер Браун, — это дело вполне по вашей части. Никакой мистики, сплошная наука. Кузнец не в том ошибся, что преступника настигла кара свыше — это-то да,

только уж никаким чудом здесь и не пахнет. Нет, доктор, никакого особого чуда здесь нет, разве что чудо — сам человек, его непостижимое, грешное, дерзновенное сердце. А череп-то раздробило самым естественным образом, по закону природы, ученые его на каждом шагу поминают.

Доктор пристально и хмуро глядел на него.

— Второй намек? — спросил он.

— Второй намек такой, — сказал патер. — Помните: кузнец, он в чудеса-то верит, а сказок дурацких не любит — как, дескать, его молот полетит, раз он без крыльев?

— Да, — сказал доктор. — Это я помню.

— Так вот, — широко улыбнулся патер Браун, — эта дурацкая сказка ближе всего к правде.

И он засеменил по ступенькам вслед за настоятелем.

Уилфрид Боэн нетерпеливо поджидал его, бледный до синевы, словно эта маленькая задержка его доконала; он сразу повел гостя в свою любимую галерею, под самый свод, в сияющую сень витража с ангелом. Маленький патер осматривал все подряд и всем неумолчно, хоть и негромко восхищался. Он обнаружил боковой выход на винтовую лестницу, по которой Уилфрид спешил вниз, к телу брата; патер Браун, однако, с обезья-

ньей прытью кинулся не вниз, а наверх, и вскоре его голос донесся с верхней наружной площадки.

— Идите сюда, мистер Боэн, — звал он. — Вам хорошо подышать воздухом!

Боэн поднялся и вышел на каменную галерейку, лепившуюся у стены храма. Вокруг их одинокого холма расстилалась бескрайняя равнина, усеянная деревнями и фермами; лиловый лес сгущался к горизонту. Далеко-далеко внизу рисовался четкий квадратик двора кузни, где все еще что-то записывал инспектор и, как прибитая муха, валялся неубранный труп.

— Вроде карты мира, правда? — сказал патер Браун.

— Да, — очень серьезно согласился Боэн и кивнул.

Под ними и вокруг них готические стены рушились в пустоту, словно призывали к самоубийству. В средневековых зданиях есть такая исполинская ярость — на них отовсюду смотришь, как на круп бешено мчащейся лошади. Собор составляли древние, суровые камни, поросшие лишайником и облепленные птичьими гнездами. И все же внизу казалось, что стены фонтаном взмывают к небесам, а отсюда, сверху, — что они водопадом низвергаются в

звенящую бездну. Два человека на башне были пленниками неимоверной готической жути: все смещено и сплющено, перспектива сдвинута, большое уменьшено, маленькое увеличено — окаменелый мир наизнанку, повисший в воздухе. Громадные каменные химеры — и мелкий рисунок крохотных ферм и лугов. Изваяния птиц и зверей, словно драконы, парящие или ползущие над полями и селами. Старая соборная церковь надвинулась на солнечную долину, как грозовая туча.

— По-моему, на такой высоте и молиться-то опасно, — сказал патер Браун. — Глядеть надо снизу вверх, а не сверху вниз.

— Вы думаете, здесь так уж опасно? — спросил Уилфрид.

— Я думаю, отсюда опасно падать — упасть ведь может не тело, а душа, ответил маленький патер.

— Я что-то вас не очень понимаю, — пробормотал Уилфрид.

— Взять хоть того же кузнеца, — невозмутимо сказал патер Браун. Хороший человек, жаль не христианин. Вера у него шотландская — так веровали те, кто молился на холмах и скалах и смотрел вниз, на землю, чаще, чем на небеса.

А величие — дитя смирения. Большое видно с равнины, а с высоты все кажется пустяками.

— Но ведь он, он не убийца, — выговорил Боэн.

— Нет, — странным голосом сказал патер Браун, — мы знаем, что убийца не он.

Он помолчал и продолжил, светло-серые глаза его были устремлены вдаль.

— Я знал человека, — сказал он, — который сперва молился со всеми у алтаря, а потом стал подниматься все выше и молиться в одиночку — в уголках, галереях, на колокольне или у шпиля. Мир вращался, как колесо, а он стоял над миром: у него закружилась голова, и он возомнил себя богом. Хороший он был человек, но впал в большой грех.

Уилфрид глядел в сторону, но его худые руки, вцепившиеся в парапет, стали иссиня-белыми.

— Он решил, что ему дано судить мир и карать грешников. Он глядел сверху — и люди казались ему насекомыми. Ползало там одно ярко-зеленое, особенно мерзкое и назойливое, да к тому же и ядовитое.

Стояла тишина, только грачи кричали у колокольни; и снова послышался голос патера Брауна:

— К вящему искушению во власти его оказался

самый страшный механизм природы — сила, с бешеной быстротой притягивающая все земное к земному лону. Смотрите, вон прямо под нами расхаживает инспектор. Если я кину отсюда камушек, камушек ударит в него пулей. Если я оброню молоток или молоточек...

Уилфрид Боэн перекинул ногу через парапет, но отец Браун рванул его назад за воротник сутаны.

— Нет, — сказал он. — Это выход в ад.

Боэн попятился и припал к стене, в ужасе глядя на него.

— Откуда вы все это знаете? — крикнул он. — Ты дьявол?

— Я человек, — строго ответил патер Браун, — и, значит, вместилище всех дьяволов. — Он помолчал. — Я знаю, что ты сделал — вернее, догадываюсь почти обо всем. Поговорив с братом, ты разгорелся гневом — не скажу, что неправедным, — и схватил молоток, почти готовый убить его за его гнусные слова. Но ты отпрянул перед убийством, сунул молоток под сутану и бросился в церковь. Ты отчаянно молился — у окна с ангелом, потом еще выше, еще и потом здесь — и отсюда увидел, как внизу шляпа полковника ползает зеленой тлей. В душе твоей что-то надломилось, и ты обрушил на него гром небесный.

Уилфрид прижал ко лбу дрожащую руку и тихо спросил:

— Откуда вы знаете про зеленую тлю?

По лицу патера мелькнула тень улыбки.

— Да это как-то само собой понятно, — сказал он. — Слушай дальше. Мне все известно, но никто другой не узнает ничего, тебе самому решать, я отступаюсь и сохраню эту тайну, как тайну исповеди. Решай, ибо ты еще не стал настоящим убийцей, не закоснел во зле. Ты боялся, что обвинят кузнеца, боялся, что обвинят его жену. Ты попробовал свалить все на слабоумного, зная, что ему ничего не грозит. Мое дело — замечать такие проблески света в душе убийцы. Поступай как знаешь.

Они в молчании спустились по винтовой лестнице и вышли на солнце, к кузнице.

Уилфрид Боэн аккуратно отодвинул засов деревянной калитки, подошел к инспектору и сказал:

— Прошу вас арестовать меня. Брата убил я.